

К 70-летию
МОСКОВСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕАТРА

ПРИЗНАНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

наши публикации

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова прожила долгую, большую жизнь. Долгую по щедрости судьбы (в 1958 году на сцене МХАТ праздновали ее 90-летие), большую — по обаянию таланта, по его значению в жизни современников, по щедрости души.

Для нескольких поколений зрителей на протяжении более пятидесяти лет Московский Художественный театр был немыслим без нее: настолько важная роль принадлежала ей, не только в том или ином его спектакле, но в самом его искусстве. Она была родоначальницей образов «чеховских женщин» в русском и мировом театре. Ее сценический путь Станиславский называл «примером и своего рода подвигом».

К 100-летию со дня рождения Ольги Леонардовны мне было поручено комиссией по изучению и изданию трудов основоположников МХАТ собрать все, что в большой книге, состоящей из двух томов, все самое существенное из ее литературно-театрального наследия. На страницах «Недели» сейчас, в дни мхатовского юбилея, впервые публикуются несколько фрагментов огромной переписки Ольги Леонардовны, значительная часть которой вошла в эту книгу.

В. В. ИЛЕНКИН,
доктор искусствоведения.

А. М. ГОРЬКИЙ —

О. Л. КНИППЕР

5 декабря 1900 (почт. шт.)
Нижний Новгород

Кожа моего сердца цветом подобна крови сердца моего — она красная. Она очень удобна для переплета книг — ей-богу! — ибо хотя и шероховата и кое-где прорвана, но все еще крепка, как ремни сандалий Геркулеса, который, впрочем, не носил сандалий. А может быть, и носил...

За доброе письмо — спасибо вам, славный вы человек. Наши нижегородцы видели вас — Майю¹ и говорят, что вы играете — великолепно. Я этому рад, очень рад. Читал и рецензии. Вообще — не верю им, но читал. А рад я за вас потому, что хорошим людям всей силой сердца желаю всего хорошего.

Вы артистка, в истинном смысле слова. Вы умница, вы здоровый духом человек и — что всего лучше — вы умеете чувствовать.

С какой радостью буду я изображать веселую вдовушку смотрителя тюрьмы — черт меня растаскай по нитке! Ибо знаю, вы мне ее изобразите еще лучше, чем я². Видите — я эгоист. Анафема! И я — хвальбишка. Но это — ничего. Едва пишу. Четвертый день трещит голова, никуда не выхожу и не могу спать.

У нас все хворают. Жена, теща, сын, племянник, кухарка — брр! Госпиталь! Жабя, инфлюенца, лихорадка и еще что-то никому неведомое. Два раза в день бывает доктор и говорит глупости и прописывает кучу лекарств. Все с жадностью едят пилюли и микстуры и порошки, а я и мой друг мрачный Скигадлец декламируем стихи и поем ирмосы. Первого мы не умеем, а второе выходит очень громко.

Но — ничего! Да, жизнь хороша, вы правы, и за это я вас еще больше уважаю. Люблю людей, которые любят жизнь. Пускай болит голова и даже сердце, если хочешь, — боль сердца — жизнь в сердце! Вот и все.

Расхорошей вашей маме мой поклон, и брату, и дяде Яше — ведь его так зовут, офицера-то? А коли старая Срединя не уехала, то и ей — поклон. Чудесная старуха! Вам крепко жму руку и желаю — успехов, бодрости духа, всего, всего доброго!

А. ПЕШКОВ.

Где Антон Павлович? Писал в Дегтярный — нет ответа. Уже уехал? А когда? Буду благодарен, если вы черкнете на открытке — уехал или нет и куда писать?

А. П.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —

М. П. ЧЕХОВОЙ

28 декабря 1901
Москва

Милая Маша, сейчас получила твое письмо и реву как дура, от растерянности, от чувства одиночества. Я не могу ни рассуждать, ни думать, знаю одно — что я должна быть около Антона, а что будет дальше — не знаю. Значит, мое предчувствие не обмануло меня — он был болен сильнее, чем мы ду-

мали. Это ужасно, ужасно. Я не знаю, что мне делать. Сегодня же буду просить об отпуске, а если не дадут, я способна бросить все и удрать. Ничего не знаю. Мне безумно тяжело на душе. Сижу целый день дома — одна. Не по силам себе я жизнь устраиваю. Надо что-то сделать, на что-то решиться. Запуталась я и свою и чужие жизни. Как-то я с этим справлюсь!

Я знаю, что мне надо забыть о своей личной жизни, совсем забыть. Это и будет, но это так трудно сразу. Как-то мне бог поможет. Мне, Маша, адски тяжело на душе.

Сейчас прерывала письмо и ходила, ходила, как зверь в клетке, и все думала, думала. Скоро надо идти в театр. Когда я свободна, я не знаю, что с собой делать.

Живи, отдыхай, выходи Антона. Мне на свет глядеть не хочется.

От Антона получила какую-то записку, даже не письмо. Он меня забыл? Разлюбил? Напиши мне. Я все реву и реву.

Твоя Ольга.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —

М. П. ЧЕХОВОЙ

30 июня (13 июля) 1904
Ваденвейлер

Милая Маша, хотя Антон писал часто тебе, но вряд ли много о себе, т. е. о здоровье. Все время здесь он себя чувствует нехорошо, кашляет все время, ночи мучительные, бессонные, одышка такая, что почти не может двигаться. Я приходила в отчаяние, положительно не знала, что делать, умоляла доктора отпустить нас скорее в Ялту, домой, но пока Антон лихорадит, нельзя его везти. Вчера сделалось очень нехорошо.

Умоляю тебя, Маша, не нервись, не плачь, опасного ничего нет, но очень тяжело. И ты и я знали, что ведь трудно было ждать полнейшего выздоровления. Отнесись не по-женски, а мужественно. Как только Антону будет полегче, я все сделаю, чтобы скорее ехать домой. Вчера он так задыхался, что я не знала, что делать, поспкакала за доктором. Он говорит, что вследствие такого скверного состояния легких сердце работает вдвое, а сердце вообще у него не крепкое. Дал вдыхать кислород, принимать камфору, еще капли, все время лед на сердце. Ночью дремал сидя, я ему устроила гору из подушек, потом два раза вспрыснула морфий, и он хорошо уснул лежа. Сегодня весь день лежал и не двигался, только к вечеру пересел в кресло. Доктор ездит два раза в день [...]. Кашель перестал в эти дни. Температуру мерить прекратили, т. к. его нервит, что все время немного повышенная. Кушает хорошо, ест санатоген, сегодня пьет старый рейнвейн.

По-моему, мамаше лучше не говори, что Антон не поправляется, скажи мягко, не волнуй ее. Надеюсь, что с каждым днем все будет лучше теперь. Антон все мечтал о возвращении домой морем, но конечно это несбыточно, т. е. если бы он настолько поправился, это было бы отлично, чем в такую жару ехать в вагоне.

Пиши ему чаще и больше. На днях ездила в Фрейбург, велел заказать себе светлый фланелевый костюм.

Если бы я могла предвидеть или если бы Таубе³ намекнул, что может что-то с сердцем сделаться или что процесс не останавливается, я бы ни за что не решилась ехать за границу. Ну, хочешь, ругай меня за письмо, а я знаю, что я должна была так написать. Очень хочу видеть тебя и очистить наши отношения от всего ненужного.

Целую тебя. Напиши мне искренно. Если б я писала не в присутствии Антона и не спешила бы, — написала бы полнее, не так сухо. Хотелось иначе писать.

Оля.

Рабочие Сормовских заводов —

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

17 августа 1904
Канавино

Ольга Леонардовна!

Вот уже четыре дня, как Сормовские заводы не работают по случаю стачки. Забастовало не менее 10 тысяч рабочих. Условия, в которых мы теперь находимся, вынуждают обратиться к интеллигенции, сочувствующей рабочему движению. В настоящий момент это обращение является крайне необходимым, чтобы поддержать нас в материальном и духовном отношении и тем самым продолжить борьбу с эксплуататорами, борьбу, которая безусловно приведет нас к желаемой цели и заставит их исполнить требуемые нами уступки. Надеемся, что Вы, Ольга Леонардовна, не отнесетесь холодно к нашему возванию и окажете посильную помощь.

Рабочие Сормовских заводов.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —

В. Л. КНИППЕРУ (НАРДОВУ)

6 сентября 1905
Москва

Как живешь, дорогой мой Володька? Взяла новое перо, и не пишет, черт, а еще золотое. Перебрались ли вы на новую квартиру? Ужасно я боюсь, что это затянет тебя в спокойную, недвигающуюся жизнь, к которой у тебя и так есть склонность.

...Ищи и бери от людей то, что тебе надо как художнику... Только ищи своего и не принимай буржуинского в искусстве и не мирись с тем, что раз это существует, то, значит, это хорошо. Стремись создать свое, хоть малое, да свое.

Опера сейчас вообще в упадке сильном, и надо в нее свежести вливать, а не влезать в старые формы. Думай об этом больше. Ты не сердись, что я пишу тебе это? Не думай, что это вравоучения; ты не мальчик, а человек зрелый.

Я уже втянулась в рабочую колею. С 12 ч. до 4-х и с 7 до 10^{1/2} я на репетициях и дома еще работаю. Роли трудные и хорошие. В театре хорошо, крепко. Горький бывает у нас часто, сидит, делает указания⁴. Славный он, очень хороший. Написал еще пьесу, «Варвары», читал нашим. Говорят, что пойдет еще в этом сезоне⁵. Куприян написал пьесу, привезет. Я лично от «Де-

тей солнца» не в большом восторге. Не знаю, что получится. Константин Сергеевич уехал в Севастополь отдыхать на 12 дней. На днях принимаемся за «Чайку» с Дилиной, Мейерхольд — Треллев.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —

М. П. ЧЕХОВОЙ

19—27 октября 1905
Москва

Вот так дни были у нас, милая Маша! Да и сейчас жутко. Даже не знаешь, с чего начинать, да и расписывать нет времени. Бежать надо уже в театр. Мы не играем с 14-го⁶. Вся жизнь была остановлена, ни воды, ни электричества, ни конок, ни магазинов, ни молока. В городе по вечерам темнота, жуть, мелькают тени, извозчики, того гляди, наскочат друг на друга. Мне, по своему одиночеству, приходилось одной разбегать. Было страшно. В переулке еще вставляли керосиновые лампы в фонари, а Тверская — как гроб, все забито наглухо, темно... По вечерам все боится показываться на улицах, боится черной сотни.

Зато вчера что было в Москве! Еще ночью узнали о манифесте, и в клубах до утра сидели, и говорилось много и горячо. С утра все зашевелилось. Все открылось, улицы запружены народом, лица оживленные. Всюду митинги, на площадях ораторы, красные флаги. В театре оживление, поздравления, крики ура. Решили частью идти на улицы, конечно и я. Двинулись с толпой по Тверской к генерал-губернатору, с красными флагами, пели «Марсельезу», водружали всюду красные флаги, лица сияющие, солнце как раз выглянуло и осветило эту тысячную ликующую толпу. Впереди несли белые полотна, и на них красными буквами: Свобода, Амнистия. Дурново⁷ выходил, сказал несколько слов, предложил красные флаги заменить национальными, но ему свистели. Двинулись дальше. Около Леонтьевского какой-то оратор крикнул, что стреляют. Толпа шарханулась, послышался конский топот, — минута тишины и полной паники. Я решила, что пришел конец, и отбежала к тротуару, но за толпой не двинулась, боялась, что сомнут все равно.

20-е октября. Ужасно беспокойно и тяжело. Уличные столкновения партий, выстрелы. Сегодня похороны убитого Баумана, ждут многого. Ужасы в Твери... Черная сотня... Революционная партия поднимается, всюду призыв к оружию, сборы денег на оружие. 18-го я была в университете на митинге, целый день была на улицах, ходила с Левой и Колей Рейсс. Видела и партию передовую, и национальную; по всей Тверской всё шествия, шли в тюрьмы освобождать заключенных.

Продолжаю 27-го уже. Не могла присесть к столу.

...Вообще столько всего произошло за это короткое время, что нет сил писать.

Сборы в театре ужасные, только абонементные полны. Сегодня первый раз играем «Вишневый сад», и я вздохнула, играла с упоением, обли-

валась слезами. Завтра приступаем к «Горю от ума».

Приезжай скорее, писать не хочется, да и не напишешь.

Живу отшельницей, никто не ходит, никому не нужна стала.

Продолжать не стану, ибо у меня нос на квинту повешен, нервы нехорошие, и вообще много всего.

Оля.

Л. Н. АНДРЕЕВ —
О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

25 февраля 1908
Петербург

Милая Ольга Леонардовна!

Представьте себе такую дикую вещь: соскучился по Вас. Положительно. И виделись мы мало, и говорить толком не пришлось, а вот — соскучился.

И представьте себе другую, еще более дикую вещь: будто в этой огромной Москве, среди множества людей чужих, среди немногих приятелей и «явных» друзей, есть один тайный друг — и это Вы. Так кажется мне, так чувствуется.

Мой милый, тайный друг! Плох я был в Москве: несчастен, пьян, безобразен. Думаю даже, что порою отврагителен. И многие хорошие люди не поняли, почему это так, и немножко отвернулись¹².

И черт с ними — со многими хорошими людьми.

Но были немногие, которые как будто поняли. И даже как будто тайне пожалели. Вы такая. Так кажется мне, и за это — помимо прочего — крепко и хорошо люблю я Вас.

Люблю Вас и за то, что Вы начинены динамитом, как хорошая конспиративная квартира. По виду спокойно, и даже дворник у ворот — и вдруг...

Когда я был маленький, я нес однажды стакан с чаем и старался не расплескаться, еле передвигал ногами — и когда почти донес, взял и хлопнул об пол и чай и стакан.

Бывает.

Как я буду рад увидеть Вас в СПб, если приедете! Теперь я другой. Пить бросил совсем и давно. И не буду. Прошлое с его ужасами отошло — и хотя еще нет настоящего, и в будущее верится плохо, жизнь понемногу берет свое.

Жду весны. И однажды весной мы пойдем с Вами гулять по Дворцовой набережной.

Хорошо?

Ваш Леонид АНДРЕЕВ.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —
В. Л. КНИППЕРУ (НАРДОВУ)

29 октября 1908
Москва

Я просто свинок, милый Володюшка, что не сейчас же ответила на твое милое письмо, которое меня тронуло.

...Оговариваюсь — хоть я и свинок, но не совсем: уж очень я засуматошилась последнее время. Играю каждый вечер, хотя и одну картину в «Синей птице»¹³ — все же вечер занят. А днем репетиции «Ревизора»¹⁴, а кроме того во мне самой что-то перерабатывается, довольно мучительно. 10 лет я актриса, а по-моему, я совсем не умею работать, создавать, как-то не углублялась, не относилась вдумчиво к себе и к своей работе.

Завтра наш юбилей 10-летний. Спектакля нет. Утром мы собираемся всей труппой, одним словом, всем составом театра, переберем наши 10 лет, всплакнем, наверное. В час будет панихида по Чехову и Морозову¹⁵, а в 2 ч. прием депутаций, которых будет очень много. Вечером в 11 часов в художественно-литературном кружке чувствуют нас — tout Moscou¹⁶. Будут всякие представления, музыкальные номера из наших пьес, целые шествия, пародии. Народу будет около 1000. Меня волнует все это. Сегодня я была на могиле Антоны Павловича — мысленно перебрала все эти 10 лет, так тесно связанных с ним.

Кончаю письмо. После юбилея уже. Не могу тебе описывать все ощущения, впечатления этого изумительного дня. Это был праздник культуры, а не праздник театра. Утром был самый большой захват, когда вся труппа с цветами встречала под звуки «Славы» своих двух режиссеров; словами ничего нельзя было сказать. Видны были поднятые руки с цветами, цветы сыпались на пол, лица возбужденные, слезы умиления, радости, плакали все, целовались, обнимались, говорились неясные, но всем понятные слова. Мужчины все плакали. Наш рабочий Титов (юбиляр) читал адрес от труппы и всех служащих. Москвин — от нас, юбиляров, от слез не мог читать и как-то выкрикивал слова.

¹² Вся Москва (франц.).

Посылаю тебе газеты, ты поймешь, что это было. Не было уголка России, который бы не откликнулся на наше 10-летие. Трогательно чувствовалась любовь к нашему молодому театру. Вечер в кружке, по случаю смерти Ленского¹⁶, был отменен, и мы собрались у себя в театре экспромтом, и вышло изумительно остроумно, весело, живо и интересно. Были и музыка, и пение (я пела Леля с оркестром и хором), и чтение, и танцы, и пародии, и музыка. Шаляпин днем пел письмо Рахманинова — это было так оригинально, так ново, что я тебе передать не могу¹⁷.

Порадуйся за нас.

Мы 10 лет работали чисто и честно, много страдали, много пережили, и вот — результат.

Имя Антоны Павловича не сходило с уст — не было депутации, которая не упомянула бы это дорогое, так тесно связанное с нашим театром имя.

Обнимаю тебя. Ольга.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —
К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

1909
Москва

Дорогой, любимый Константин Сергеевич, не могу Вам передать, как глубоко тронуло меня Ваше письмо и Ваши нежные цветы, и так как мои глаза еще не совсем высохли после этой ночи, то они вновь заплакали, и если бы Вы были сейчас здесь, я бы стала перед Вами на колени и от всей души попросила у Вас прощения за все неприятные, тяжелые минуты, которые я Вам доставляю своим полнейшим неумением работать, своим беспорядочным нутром, всем тем, что мне самой так мешает жить. И за какую-то одну мало-мальски приличную репетицию Вы мне прощаете так легко всю нудную работу и возню со мной, — на это способны только Вы, так безгранично и так чисто, искренно преданный искусству¹⁸.

Я сейчас переживаю действительно тяжелые минуты, но не думайте, что это так, вдруг, оттого что не удается Наталья Петровна. Я уже давно прислушивалась к себе на сцене, и лучше это делать слишком рано, чем слишком поздно. Не думайте, что это малодушие опять-таки. Вероятно, это прислушивание к себе мешает верить в себя, мешает всецело отдаваться работе. Зачем Вы мне пишете о моем таланте? У меня его нет, есть, вероятно, способности и некоторое, как Вы говорите, сценическое обаяние, и благодаря тому, что все эти года Вы и Владимир Иванович работали со мной, из меня вышла, может быть, приличная актриса. Поверьте мне, я говорю вполне искренно. Играть на сцене и чувствовать всегда, что я даю только часть того, что хотела бы дать, или, что еще ужаснее, совсем не то, что хотела бы дать, — это страшно подчас. Все это, конечно, обостряется благодаря тому, что играешь одну роль в два, три года, и кажется, что вся жизнь зависит от этой роли, тем более у меня, у которой нет жизни вне театра, а жизнь в театре тускнеет, — вот и приходишь к некоторым выводам. Конечно, я сейчас употребляю все свои усилия, чтобы насколько возможно овладеть ролью и сыграть, чтобы не очень стыдно было Художественному театру. Не знаю, как это удастся. Я сейчас вроде Нины Заречной: «Не знаю, что делать с руками, не умею стоять на сцене, не владею голосом. Вы не понимаете того состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно».

Не знаю, как Вас благодарить за Ваше глубоко трогательное письмо. Мне хочется сыграть Наталью Петровну так, чтобы не стыдно было перед Вами. В тяжелые минуты буду перечитывать Ваше письмо. Простите меня за все, и спасибо Вам за все.

О. КНИППЕР.

ТРУППЕ МХАТ

21 ноября 1923
Нью-Йорк

Элеонора Дузе просила меня передать всем участникам вчерашнего спектакля «Карамазовых» свой привет, русский поклон (причем поклонилась, трогая пол рукой) и благодарность за чудесный вечер¹⁹. Она взволнованно говорила о Достоевском, который душу человеческую опускает на дно, поднимает на небо и ищет бога в аду... Большое впечатление произвел на нее кошмар Ивана и чистая страсть Мити и Грушеньки в сцене «Мокрое». Говорила взволнованно о серьезности нашего театра, скорбела, что сама не может играть с такой труппой. Хвалила за репертуар, за то, что нет у нас театральных пьес, таких обычных в любом европейском театре, за то, что нет у нас парижского жанра. Просила передать Константину Сергеевичу и всей труппе, что, если бы позволило здоровье, она сидела бы каждый вечер у нас, что

вчерашний вечер научил ее многому и она сегодня сидит с Достоевским и перебирает и вспоминает...

Ольга КНИППЕР.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —
И. М. МОСКВИНУ

12 окт. 1936
Москва

Дорогой Иван Михайлович.

Не думай, что легко мне приветствовать тебя: мы с тобой кипели 38 лет в одном котле и делили все его радости и горести, и потому как-то трудно посмотреть на тебя со стороны. Все знают, кто ты и что ты, и не мне говорить тебе об этом. Скажу только, что в такие дни, как 40-летие твоей артистической жизни, невольно глядишь хоть одним глазом на ушедшие года. Тебе оглянуться на прошлое не страшно. Жизнь дала тебе много, и много и хорошо ты ее изжил.

Жизнь — вечное движение по круговой линии, от самого дня рождения и до последнего. Двигаешься по этой линии, и жизнь влечет и кажется все шире, все богаче, все более содержательной и насыщенной, и прошлое приобретает все более определенную цельную форму, и ценишь жизнь больше, чем в молодости — правда? Радостей в своей артистической жизни ты видел много, и если достигал их страданием, то это страдание только сильнее оттеняло радость достижения.

Ольга КНИППЕР-ЧЕХОВА.

ГОРДОН КРЭГ —

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

1 января 1956
Vence. Am. France

Дорогая madame Книппер, дорогой Храм²⁰.

Пишу таким крупным и круглым почерком, чтобы Вы могли прочесть это письмо, не напрягая глаз.

Я читал в английских газетах, что Вы были в Вашем театре и смотрели два акта «Гамлета» в исполнении английской труппы. Я еще не видел моего молодого друга м-ра Брука и потому еще ничего не слышал о Вас. Этот молодой человек в области театра — гениален, но постановка «Гамлета» оказалась ниже его возможности.

Надеюсь, что Вы (как и я) отдыхаете теперь после долгой трудовой жизни. Если бы можно было начать жизнь сызнова, я бы выучился петь, чтобы доставлять радость всем вокруг, пел бы на улицах, пел бы в подвалах, и у реки, и в лодке, и в поле во время жатвы, но только не в театрах.

Чувствую я себя не очень хорошо, ведь я очень стар, гораздо старше Вас. Мне 84, ну разве это не обидно?

Я говорил м-ру Бруку, что мне хочется поехать в Москву и сыграть там Призрака, потому что я могу сделать это очень хорошо. Но он не захотел меня взять. Подумаешь!..

Живу я на побережье между Ниццей и Каннами (там, где улетела Айседора)²¹. Сейчас тут очень холодно, но обычно очень тепло. Последние четыре года живу в одной комнате. Было бы лучше иметь две.

Часто вспоминаю Вас, Театр Чайки, Станиславского и других. Какую чудесную жизнь Вы сумели создать из жизни.

Да благословит Вас бог.

Гордон КРЭГ.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —
М. П. ЧЕХОВОЙ

15—21 июня 1956

Николина гора
15 июня 1956 г.

Дорогая Машенька, вечер очень жаркий сегодня, сижу на балконе Качаловской дачи, тишина, птицы поют по утрам, соловьи заливаются, но, увы, я их уже не слышу.

Софа вчера уехала в Москву, чтобы с Варей укладывать зимние вещи и, конечно, многое закупить. Завтра приедут Дима с Лелей и Софа²² — ждем всяких новостей.

...Дима и Леля еще в работе, приезжают по субботам. Живем хорошо. Я ковыляю тихо по саду, задыхаюсь, презираю себя за все свои недуги.

21 июня. Николина гора.

Холодно, сижу с закрытыми окнами, в теплом костюме — обидно; главное, такие контрасты... Завтра приедет Дима, придут вести, узнаю что-либо о судьбе моего бедного покинутого Гурзуфа.

Софа мне читает книгу о Левитане — переживаю все молодое, пережитое в вашем доме, вспомнила чудесные глубокие глаза Левитана и как я была с тобой в его мастерской, — как ты могла забыть сие?

Я живу с печальными мыслями о том, что все живущее приходит к концу.

А жизнь я люблю, со всей ее непонятной иногда кашей, и жду все лучшего. Прости за отступление...

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА —

ученикам Школы-студии
имени Вл. И. Немировича-Данченко²³
19 декабря 1958
Москва

Всей душой хотела я сегодня прийти к вам, на вечер, посвященный Владимиру Ивановичу. По болезни не смогла. В голове теснятся воспоминания об этом великом учителе сцены. Он вместе с Константином Сергеевичем вырастил наш Художественный театр и создал его мировую славу. А сколько артистов он угадал, выдвинул, воспитал, скольким из них помог стать художниками! Сколько внес мудрого и яркого в театральное искусство!..

Хочу пожелать вам, будущим актерам нашей школы, научиться впитывать в себя то огромное богатство, которое нам завещал Владимир Иванович, и всегда помнить, что это наследство требовательное и что успокоенности оно не терпит. Пусть облик и творческие уроки Владимира Ивановича Немировича-Данченко навсегда войдут в вашу жизнь и помогут вам строить театр будущего.

Народная артистка СССР

О. КНИППЕР-ЧЕХОВА.

¹ Роль Майи в пьесе Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».
² Леонид Андреев, видевший 19 февраля 1902 г. генеральную репетицию «Мещан», писал о «здоровой и стойкой жизнерадостности» Елены, которой претит «мещанская жизнь».
³ «У Книппер я обедал с женой, — писал Горький Чехову. — ...Хорошо у Книппер — просто и чертовски весело. Понравилась мне все она — ужасно! Дядя — офицер — такая прелесть! Просто восторг, ей-богу. И мать тоже, и студент!».
⁴ Чехова Мария Павловна — сестра А. П. Чехова.
⁵ Личная жизнь Ольга Леонардовна называет здесь сцену, творчество. Она должна была принять решение: продолжать работу в театре или уехать с А. П. Чеховым в Ялту.
⁶ Таубе Ю. Р., врач-терапевт.
⁷ Книппер (Нардов) Владимир Леонардович — брат О. Л. — артист оперы. В это время учился в Дрездене.
⁸ Горький делал указания на репетициях «Детей солнца». О. Л. репетировала и играла роль Мелании Николаевны.
⁹ «Варвары» Горького были запрещены цензурой.
¹⁰ 14 октября 1905 г. МХТ прекратил работу и присоединился к всеобщей забастовке.
¹¹ Дурново П. Н. — министр внутренних дел.
¹² 28 ноября 1906 г. скончалась от послеродовой горячки жена Л. Н. Андреева — «дама Шура», как называл ее Горький.
¹³ В «Синей птице» Метерлинка О. Л. исполняла роль Ночи.
¹⁴ Ольга Леонардовна репетировала и играла роль Анны Андреевны.
¹⁵ Морозов Савва Тимофеевич — крупный фабрикант. Став пайщиком МХТ, финансировал театр. На средства С. Т. Морозова было построено и оборудовано нынешнее здание МХАТ.
¹⁶ Выдающийся артист и режиссер Малого театра А. П. Ленский скончался 13 октября 1908 г.
¹⁷ С. В. Рахманинов, находившийся в Дрездене, прислал Станиславскому письмо, переложенное на музыку.
¹⁸ Письмо послано в дни репетиций «Месяца в деревне». Ролью Натальи Петровны Ольга Леонардовна овладела с огромным трудом. И. С. Станиславский писал ей: «Сейчас Вы испытываете тяжелые минуты артистических сомнений».
¹⁹ 19 ноября 1923 года в Нью-Йорке в честь Элеоноры Дузе был сыгран спектакль Художественного театра «Братья Карамазовы».
²⁰ Дружеские отношения Ольги Леонардовны с выдающимся английским режиссером и художником Гордоном Крэгом зародились весной 1909 г. Художественный театр пригласил Крэга для постановки «Гамлета». О. Л. играла роль Королевы. Крэг всегда называл О. Л. — Храм.
²¹ В 1927 году Айседора Дункан погибла во время автомобильной катастрофы.
²² В. В. Шверубович и его жена Е. В. Дмитриш; Софа — Бахланова Софья Ивановна — друг Ольги Леонардовны на протяжении почти 30 лет. С 1938 г. жила вместе с ней, взяв на себя в силу своей бескорыстной преданности все заботы о ее здоровье и быте наряду с обязанностями личного секретаря.
²³ Ольга Леонардовна часто бывала на студенческих вечерах в Школе-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТ, читала студентам прозу, стихи. Она интересовалась всей жизнью Школы-студии, принимала студентов у себя дома, признавала и ним, чтобы рассказать о Чехове, о юности Художественного театра, о его зарубежных гастрольях.
Несколько лет подряд Ольга Леонардовна была председателем Государственной аннациональной комиссии этого театрального института.

Комментарии Л. ФРЕЙДКИНОЙ, кандидата искусствоведения.